

Хромированные сердца

Сборник рассказов

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Андрей Флибер

Андрей Флибер

Хромированные сердца

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Флибер А.

Хромированные сердца / А. Флибер — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-07100-1

Перед вами сборник короткой современной прозы. Это книга о вечной любви и одиночестве, свободе и смерти, радости и ужасе, сексе и насилии, свободе, мокрых мостовых дождливого города, людях и их душах. Сборник историй, которые происходили или происходят с вами прямо сейчас. Истории таких же людей как и вы. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07100-1

© Флибер А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Оглавление	6
Песни вечного города мертвых	7
Ольга	13
Тонуший в океане кисок	29
Обратная петля	33
Чуть-чуть	37
Карма вечера четверга	40
Лисья пастурель	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Оглавление

Песни вечного города мертвых
Ольга
Тонуций в океане кисок
Обратная петля
Чуть-чуть
Карма вечера четверга
Лисья пастурель
Парад скелетов
Бархатная удавка похоти
Клавиши из красного мяса
И я бежал дальше
Кафка из слива
Ночь колоссов
На крыльях слез и ветра
След стального стрижа
Весна в концлагере души
И тут все меняется
День, когда старик умер
Новогодняя рапсодия
Французский завтра
Капли дождя по крыше святости
Ветер в твоих волосах
Осень сжигала город
И лампа погасла в ночи
Снегирь, которого ты задушил в руке
Остервенелая октава
Только молодые умирают молодыми
То, что происходит между нами, похоже на любовь из кинофильмов

Песни вечного города мертвых

Когда темнота станет прозрачной и морской туман упадет на город – я возьму бутерброды и пойду на пристань. Город тихо спит в темной истоме прохладного утра. Пустые улочки шепчут каплями тумана на стенах домов. Пар вырывается изо рта, унося с собой часть моего тепла. Портовые собаки, завидев меня издали, радостно бросаются ко мне и будут ласкаться, боязливо поджав хвосты и заглядывая в глаза. Я поглажу каждую и отдам им бутерброды, как и каждое утро, что я уйду в море. Собаки, чувствуя разлуку, немного поскулят, тыкаясь головами в ладонь и облизывая руку. Когда я пойду дальше – одна, как всегда, все чувствуя, несильно схватит меня за штанину, не пуская. Я сяду в лодку и буду грести, пока линия моря не скроется из видимости, пока я не достигну места с предупредительным бумом. Я достану консервную банку и исполокую себе руки. Опустив их в морскую воду я буду ждать, пока море заполнит меня и я усну. Когда я открою глаза – я увижу тебя на берегу вечного города мертвых, ждущей меня с кроткой улыбкой. На том же месте, что и всегда.

Ее груди качнулись в последний раз и она тяжело дыша опустилась на мою грудь. Я прижал ее и поцеловал. Волосы пахли пылью и полынью.

– Не нюхай мои волосы. – Она подняла голову.

– Я так скучаю по тебе.

Она посмотрела на мои запястья.

– Больно каждый раз?

– Как в первый.

Она поцеловала незаживающую россыпь шрамов на моих руках, несколько соленых холодных слезинок упали в свежие раны и я сжал зубы от боли. Дождь шумит за окном, ручьи воды текут по боковым желобам каменной мостовой. Мы идем на угол к Зандеру и я смотрю как она ест еду мертвых, серую и твердую как камень. Я посматриваю на небо, в ожидании знака. Уже скоро. Зандер привык ко мне, но все еще смотрит с некоторой неприязнью. Мертвые быстро забывают свою прошлую жизнь. Я смотрю как она ест. Когда-нибудь она тоже забудет, забудет кем была и забудет меня.

В ответах городских факелов Зандер поднял палец. Ночной воздух наполнялся звоном колокола.

– Слышишь?

Я кивнул и посмотрел на небо. Холмы над городом уже начали вспыхивать пурпурными всполохами. Небо начало светать.

– Мне пора.

Она сжала мои руки. Как всегда, она спрашивает один и тот же вопрос.

– Ты же вернешься?

"Каждый день, пока ты меня не забудешь"

Я поцеловал ее руки, такие холодные.

– Конечно.

– Икхаа. – Сказал Зандер, будто я мог забыть про него.

Я слышал как пес-хранитель города мертвых спускается с холмов. Я больше не мог находиться здесь, скоро все мосты будут в огне. Мы вышли к пристани и я сел в лодку. Она смотрела на меня так, что сердце рвалось на куски. Я доплыл до места перехода в мир живых. Перед тем, как порезать себе руки, я посмотрел на нее на пристани. Икхаа, огромный как гора, сидел рядом и скалился мне.

Я пришел в себя в лучах заката. Голова пульсировала уколами боли, руки выли от едкой соленой воды. Я налег на весла и поплыл к пристани. Город переливался вечерними огнями, в нем кипела жизнь.

Недалеко от пристани стоит маяк, где мы устраивали с ней пикники. Она плакала каждый раз, когда солнце опускалось в море и дымка падала на горы позади нас. Она была красива только когда плакала.

Я пришвартовал лодку и отправился в кафе, на улице Тюльпанов, в десяти минутах от пристани, желудок крутило в пароксизме голода. Я вошел и охранник устремился ко мне.

– Эй, не трогай, пропусти. – Крикнул ему с кассы бармен. Охранник вопросительно посмотрел на него и отошел.

Я кивнул головой бармену, он налил мне большой стакан рому, и я сразу ополовинил его. Когда еда была готова – я поел и пошел домой. Моя квартира выглядит нежилой и насквозь провоняла пылью. После ее смерти она пуста и пугающа. Я допиваю ром и ложусь спать, в ожидании завтрашнего дня с ней.

– Я умру, когда ты забудешь меня.

– Я не забуду. – Говорит она, но я уже замечаю, как воспоминания о жизни уходят от нее.

Вчера она спросила была ли у нее собака. Я сказал, что была.

– Так странно. – Ветер развеивает ее волосы и она похожа на испуганную птицу. – У меня последние дни была навязчивая мысль, которую я не могла понять.

Она берет меня за руку ниже локтя, как если бы не знала о том, что у меня свежие шрамы. Я морщусь и беру ее ладонь в свои.

– А потом вечером пришел Икхаа, и я подумала: "Блин, надо покормить собаку". – Она виновато улыбается. – И имя всплыло, то ли Кивос, то ли Чавес.

– Чаус.

– Точно!

Я вижу по ее глазам, что она все понимает. Когда оттуда выкатывается слеза, я прижимаю ее к себе. Тонкий убывающий месяц луны мертвых медленно выплывает из-за гор. Он напоминает, что всему приходит конец даже после смерти. Смерть это не предел.

Сегодня на море шторм. Корабли торговцев янтарем не заходят в порт и качаются на волнах чуть поотдаль. Мы стоим на маяке, ветер развивает ее волосы, совсем так же, как в мире живых.

Сколько месяцев назад это было, пять? Я совсем потерял счет времени в этой бесконечной ночи.

– Они сказали, что мне осталось пара недель. – Сказала она тогда.

Уже тогда она жива с неотпускающей болью. Я с грустью наблюдал, как ее глаза выцветали из-за болеутоляющих. Чем ближе к концу, тем меньше она их употребляла.

– Тебе же больно.

– Я не хочу быть овощем в наши последние дни.

Она сохранила свои волосы, отказавшись от бесполезных уже попыток вылечиться.

Мертвый ветер развеивает их и я не могу на нее наглядеться. Мы одни на маяке, остальные жители города мертвых слишком брезгают и боятся приближаться к живому.

Ее рука проходится по волосам, потом ложится на кулон на груди. Она озадаченно смотрит на него, потом узнает и сжимает в руке.

Крики торговцев янтарем доносятся сквозь грохот бьющихся о скалы волн.

Она лежала в кушетке, время от времени дергаясь от боли. Все ее руки испещрены воспаленными уколами от капельницы. Она уже почти не приходит в себя, только ее палец судорожно и безостановочно продолжает жать на кнопку подачи морфия капельницы, в бесполезном пароксизме ослабить боль.

– Обещай мне это! – Она кричит.

– Прости, я не могу. – Я могу говорить только шепотом.

– Обещай мне это! – Она начинает лупить меня по лицу. – Обещай, если любишь меня!

Я закрываю лицо ладонями и больше не могу сдерживаться, слезы катятся по лицу.

– Обещаю. – Еле слышно выдавливаю я.

Она несколько секунд смотрит на меня и уходит. Я сижу до самой ночи, закрывая лицо руками. Когда я поднимаю голову, то вижу большой угасающий серп уходящей луны. Серебряная дорожка бежит по поверхности моря.

Возле ее кушетки время больше не идет, а бежит как дикий мустанг.

ТАК ТАК ТАК ТАК ТАК

Последнюю неделю я слышу как тикают часы. Я слышу этот звук отовсюду, от стучит в стенах, в небе, в моей голове, от него невозможно убежать. Я услышал его первый раз той ночью, когда пообещал ей. Ночью я проснулся от этого стука, хотя у меня дома нет часов. Звук было еле слышен, как скребущаяся под полом мышь. Теперь же, сидя у ее постели, я слышу, как он барабанным боем пульсирует в самих моих ушах. Это ее часы смерти.

Но, перебивая весь этот ужасный стук, еще громче я слышу ту ее просьбу.

"Пообещай, что сможешь мне уйти, когда я перестану приходить в сознание"

В городе мертвых идет дождь. Тягучие капли черной патокой падают в красную уличную пыль. В храме мертвых, на склоне горы, монотонно звонит колокол и жрецы смерти склонились над свитками в бесконечной медитации. Я стою у входа, мне не разрешается входить в святилище смерти, наблюдая за ними. Черная слизь стекает по моей голове и плечам. В каждой капле дождя плавают частицы пепла из вечно извергающегося вулкана. Он махиной сижется за холмами, огромным черным столбом серы закрывая небо по ту сторону. Жрецы открывают отверстие в крыше, чтобы вода стекала по желобам в специальную белую чашу в середине залы. По полу тут и там бегают многоножки и скалапендры вечной жизни, переливаясь своими хитиновыми панцирями. Они сплетаются друг с другом, обвивают жрецов и пьют воду из белой чаши. Я стою у порога, слышу колокол в башне храма, но если пересечь порог, то все звуки пропадут и наступит полное безмолвие. Смерть – это тишина.

Многоножка подползает к порогу, чувствует меня и замирает, потом расправляет свои лапки и угрожающе поднимается, вытягиваясь на два метра вверх. Она медитативно качается в стороны, подрагивая своими лапками. Я неподвижно стою и через пару минут она опускается и убегает в глубину храма.

Один из жрецов падает лицом вниз. Двое других подходят к нему и оттаскивают его к чаше. Жрец голый рукой проникает в живот упавшего и извлекает его печень, после чего бросает ее в чашу и оба жреца поспешно уходят. Многоножки устремляются к телу и жадно набрасываются на него, сплетаясь в большой клубок. Через пару минут они расползаются по храму.

Из сумрака залы выступает тень и идет ко мне. Это она.

– Пойдем?

Ее глаза были как два пустых колодца, лишённые белков, полностью черные от края до края.

Время приближается к закату. Я наблюдаю, как она ест комковатую жесткую еду мертвых. Кусочек за кусочком уходит ей в рот, долгое жевание и она отрывает новый кусочек.

– У него есть вкус?

– Что такое вкус? – Ее бездонные черные глаза поднимаются на меня.

Я качаю головой. "Не обращай внимания"

После ее преобразования в храме мертвых, она почти ничего не говорит. Теперь, когда я приплываю к берегу мертвых, она больше не ждет меня на берегу, обычно она где-то гуляет или сидит на одной из скамеек храма мертвых. Когда я подхожу к ней, она молча смотрит на меня своими глазами паука, но, когда протягиваю ей руку, она всегда ее берет.

ТАК ТАК ТАК ТАК ТАК

Я сижу возле кушетки и глажу ее руку. Она не приходила в себя уже два дня. Ее тело содрогается от легких судорог. Тиканье ее часов смерти не затихает ни на секунду, не отступая от меня ни на секунду. В моих глазах не осталось больше слез, я только могу бесконечно гладить ее подрагивающую руку. Сегодня она начала постанывать в забытье, боль начала поедать ее заживо. Мое обещание жжет меня клеймом.

"Я не могу. Не могу. Не могу"

ТАК ТАК ТАК ТАК ТАК ТАК

Часы ее смерти грохочут так, что я стискиваю зубы. Я смотрю на ее лицо, кожа начинает обтягивать череп от истощения, ее волосы выпадают на подушку.

"Обещай мне!"

ТАК ТАК ТАК ТАК ТАК

"Я не могу жить без тебя"

ТАК ТАК ТАК ТАК ТАК ТАК

"ОБЕЩАЙ МНЕ!!!"

ТАК ТАК ТАК ТАК ТАК

Я поднимаюсь, беру подушку и опускаю ей лицо. Тело содрогается и трясется, ее рука хватается меня за запястье, несильно, пальцы поглаживают кожу, а потом расжимаются, она успокаивается и затихает. Я подкладываю подушку ей под голову, целую в последний раз и ухожу.

Я первый раз слышу песни города мертвых. Они начинаются в храме и разливаются по улицам. Закат прогоняет дневную жару в море. На перекрестках улиц выстраиваются жители и начинают жечь костры. Они собираются вокруг, потом кто-то начинает петь, тщательно выводя мелодию. Через время остальные по очереди подхватывают песню и стройное пение разливается в воздухе, и вот уже соседние улицы заводят ту же самую песню. Песни мертвых немного скрипучие, но, когда они сливаются, то напоминают пение ангелов. Солнце опускается в море, тени ложатся на зеленые холмы и я слышу как оттуда спускается Икхаа. От его ярости вибрирует воздух. Он в бешенстве от того, что живой не покинул город мертвых и смог услышать его песни. Одинокий голос заводит новую песню и хор подхватывает. Я смотрю, как солнце

тонет в море. Далеко от берега вода освещается белым цветом, переход в мир живых. Я жду. Слезы капаят в воду.

Когда она умерла я долго не мог найти себе места, все было серым и пустым, все потеряло частицу жизни с ней. Улицы, пристани, сады и кафе города опустели без нее и стали невыносимы. Старая Рела посоветовала сходить к Канро, похожей на скелет ведьме почитающей Санта Муэрте. В своей косо́й хижине она в первый раз вскрыла мне руки кривым ножом и рассказала как найти переход в мир мертвых. Первые шесть попыток попасть туда были неудачными. И тогда я опустил руки в воду и дал морю убить меня. Когда я открыл глаза я увидел со своей лодки очертания вечного города.

Прошло время и вот я сижу на этой пристани, в первый раз не уходя на закате. Икхаа черной змеей течет ко мне по улицам города, спускаясь к морю.

Сегодня я не нашел тебя. Хотя, может и нашел, но уже не узнал, среди толпы таких же мертвых черноглазых. Ты больше не помнишь меня, поэтому я сижу здесь. Я чувствую как Икхаа нависает надо мною, оборачиваюсь к нему, киваю головой и отворачиваюсь к морю.

Смерть – только начало.

Ольга

Жизнь это поиск света в тумане отчаянья

Шарить наощупь без всяких цветов

Сражаться с тварью в глубине подсознания

Что сожрёт тепло твоих потрохов.

Идти, спотыкаться, возвращаться назад

Блуждать по кругу опять и опять

Бояться теней.

Истекать кровью

И ждать.

Что, может быть, дальше станет светлей.

Электричка едет сквозь лес. Я прижимаюсь щекой к окну, дремота разлилась по всему телу, но спасительный сон никак не придёт. Слишком жарко. Вонь от бомжей и перегар разливаются по вагону. Меня тошнит, но не от бомжей, и не от того, что я чувствую как под моими грудями влага пропитывает ткань бюстгалтера, не от того, что трусики натерли мне кожу между булками, а промежность мокрая от пота, не от того, что я чувствую себя большой грязной свиньёй, а от того, что в моём плеере уже месяц играет одна и та же группа.

Меня прижали слева, очередная бабка приземляется рядом. Каждый раз, когда подобная ей кошёлка мастится, она не смотрит, куда опускает свою задницу. Она, блин, просто становится спиной к лавке и вслепую атакует пространство своим прицепом. И старпёрши постоянно куда-то прутся, утром, вечером, с пустыми тележками и сумками. Куда и какого хрена? Неужели и я буду такой кошёлкой? Неужели она была когда-то такой же молодой, как я? Так же ощущала себя грязной свиньёй в электричке, чувствуя как пот течёт по внутренней стороне бедра? Боже, как же она чувствует себя теперь во всех этих одеждах, в этой духоте? Я ближе придвинулась к окну.

Силы терпеть всё это мне даёт только то, что дома меня ждёт кое-что божественное – два больших и вкусных бургера. Я живу мечтою о них с четырёх часов дня. Я представляю как разрежу булочки, положу лист салата, лук, болгарский перец, котлету, маринованный огурец, помидор и укрою всё это квадратиком плавленого сыра, как одеялом. Положу их на тарелку и суну в духовку. Когда сыр начнёт плавиться, достану и сплющу бургеры второй половинкой булочки. И сожру! Да уж, я разорву эти бургеры как голодная львица тушу антилопы! Было бы хорошо полить их вначале майонезом, но нет, это жир. Ну, может совсем немного. Все вкусняшки уходят в ляжки.

Я вытерла пот. Глотнула воды из бутылки и тут же почувствовала, как она вышла из подмышек.

Как же я хочу есть. И в туалет. Но есть сильнее. Я опять стала мечтать о бургерах и с этими мыслями задремала.

Электричка останавливается и я выхожу в летнее пекло. Заспанная и с разрывающимся мочевым пузырём. Низ живота режет. Я быстрым шагом топаю домой.

(Отвлекись!)

Отвлечься нельзя, все крутится вокруг ноющего живота. Я озираюсь в поиске подходящего места, но всё слишком людное, всюду просматривается. В парке люди, возле мусорных баков люди. Проклятые люди! Циркулярная пила впивается в низ живота.

Мост! Впереди дорога идёт по мосту над небольшой речушкой. Я бегом кидаюсь к нему. Под него. Я скатываюсь по щебню, на ходу растёгивая джинсы.

Она сидит в тени цементной сваи, среди песка и щебня, словно присела передохнуть жарким днём.

Я кричу и не могу остановиться.

Когда в фильме испуганный персонаж стоит на месте и просто кричит, ты всегда думаешь что это тупо и натянуто. Оказывается в жизни всё тупее.

Я кричу пока горло не начинает жечь огнём. Слезы катятся из глаз, моча растекается по ногам.

Мертвая девушка, с бледно-зеленым лицом, сидит в тени свай. Сидит и тарачит на меня пустые глаза.

Сегодня пасмурно, вот-вот пойдёт дождь. Даже настроение стало лучше. И я оправилась от встречи с мертвяком. Вчера я бежала домой как бешеная собака. Ни о каких бургерах я и думать не могла.

Электричка громыкает, я прислонилась щекой к окну и дремлю. Ночью так и не удалось уснуть, каждый раз когда я смежала веки, передо мною вставали её мёртвые глаза.

Со вчерашнего дня я не ела и снова мечтаю о бургерах, что ждут меня дома. Сегодня мертвецы не отобьют у меня аппетит. Я улыбаюсь этой мысли и мои щёки краснеют, словно я сделала что-то плохое.

Звонит телефон. Я смотрю на входящий номер – я его не знаю. Телефон всё звонит, вибрирует у меня в руке, потом умолкает и я сую его в карман. Настроение портится в один момент.

Гром рокочет в сером небе. Я думаю, что если начнётся дождь, то он может намочить труп под мостом. Вдруг я понимаю, что вообще-то должна была позвонить в полицию, вчера эта мысль даже не пришла мне в голову.

Я ловлю себя на том, что набираю экстренный вызов на телефоне.

(Что, прямо в поезде? Чтобы все эти люди пялились на тебя, пока ты будешь говорить про труп? Ты дура?)

Я сбрасываю, внутренний голос прав. Позвоню когда выйду из вагона. На горизонте небо прорезают синие вспышки.

Я выхожу на станции и достаю телефон, набираю номер полиции и опять сбрасываю. А что если тело уже забрали, а тут я такая звоню и о нём заявляю? Могут появиться вопросы.

(Но что если тело ещё там?) Боже, не буду этого проверять. Но я уже подошла к мосту и не знаю что мне делать.

(Ну ладно тебе, будь ответственным гражданином. Трупы не кусаются)

– Зато пугают до смерти. – Я медленно спускаюсь под мост.

Я только гляну, там ли она ещё, ноги будет достаточно. Только убедиться, что она ещё там. Выгляну издалека. Я стою и пытаюсь издалека рассмотреть на месте ли тело. Ничего не видно.

(Её там нет! Её нашли и можешь никуда не звонить! Иди домой и ешь свои бургеры)

В животе заурчало. А если она там? Гром прокатывается прямо над головой. Это придаёт мне решительности. Я ступаю под свод моста и медленно крадусь, всматриваясь в темноту. Там никого. Я с облегчением разворачиваюсь и мёртвый взгляд впивается в меня. Она на месте, так же отдыхает в тени моста. Только голова чуть наклонена и от этого она выглядит грустной. Сегодня она меня пугает не так сильно как вчера. Я сама была готова её найти.

Я стою напротив неё. Она сидит с опущенной головой, поза словно говорит: Не смотри на меня такую. Я мёртвая и это меня печалит.

(Так, труп на месте, теперь звони в полицию и вали отсюда. Что, если тебя увидят?)

А что если уже видели? Я сбрасываю вызов на телефоне. Что, если я окажусь главной подозреваемой? Но, я же должна заявить обо всём этом.

(А должна ли?)

Я прячу телефон в карман. Не должна. Пусть кто-нибудь другой найдёт тебя и позвонит в полицию.

(А может уже позвонил) успокаивает внутренний голос.

Я выбираюсь из-под моста и оглядываюсь. Вокруг пусто, лишь сосны шумят на ветру.

"Драконово дерево смотрит и запоминает" всплывает в моей голове. Это из какой-то дурацкой книжки.

Я замираю на месте, всё-таки нужно позвонить.

(Всё, что тебе нужно, так это меньше проблем, займись своими делами. У тебя и так нет парня, семь лишних килограмм и ПМС. Только разборок с ментами тебе не хватало)

Солнце ярко освещает мою кухню. Я ем бургеры, соус на руках, на щеках и даже на шее. Как же вкусно. Я жадно ем, «поглощаю» будет самым точным словом.

На следующее утро я исследую интернет в поисках новостей о трупе в пригороде. Ничего – ни трупа, ни пропажи. Наша полиция работает паршиво. А где её родители? Друзья? Почему никто не ищет её? Были ли у неё вообще родители и друзья? Мне становится жалко её. С людьми так не должно быть.

(А тебя будут искать?)

Я была не готова к этому вопросу. Ну, вообще... Мама звонит мне раз в неделю, а иногда и реже. Я всю жизнь живу с тем, что она живёт более полной жизнью чем я: разведена, сделала себе новую грудь, вокруг неё всегда мужчины. Когда я приезжаю к ней на праздники, первое что я слышу, это: "Солнышко, у тебя под щеками уже можно лагерь разбивать" Хорошо, что праздники не часты. На мой пятнадцатый день рождения она рассказала как пользоваться противозачаточными. Я чуть диван не прожгла от стыда.

Друзей у меня нет, королевой вечеринок я никогда не была. А после Никиты парней у меня больше не было. Не то, чтобы я сильно обожглась, просто как-то не складывалось. Секса у меня не было так давно, что я думаю не отменили ли его вообще? У меня был близкий друг, близкий друг моей вагины, но давно переехал в Нидерланды и теперь только шлёт фото кексов с гашишем, которые пекут в его кофешопе. Мои сериалы меня никогда не обидят, хотя и не согреют в постели тоже.

Телефон звонит. Ещё один незнакомый номер. Я решаю ответить.

– Алло? Таня? – Говорит незнакомец на другом конце трубки.

– Она умерла. – Я сбрасываю вызов.

Офис кипит посреди летней жары. Я стою у окна и пью ледяную колу. На небе ни облачка, солнце плавит город. Я делаю слишком большой глоток и мозг пронзает холодная игла. Я хватаюсь за голову. Пора возвращаться к работе.

Работа! Меня будут искать в офисе, если я вдруг не выйду утром. Такое было уже раза три, когда я просыпала. От этой мысли мне становится лучше и я возвращаюсь к своему столу.

Поезд гладко летит по рельсам. Электричку задержали и народу в неё набилось как сардин в банку. Люди забили весь проход, нависают над сиденьями. Вагон превратился в закрытый сотейник, в котором мы тушимся. Я зажата между толстухой и бабкой. Пот течёт по спине, по бёдрам, зато дома меня ждёт вкусная карбонара. Я закатываю глаза в предвкушении и становится немного легче.

Когда я выхожу на своей станции у меня мокрые даже трусики. Скомканные, сваленные, натёршие все, что только можно. Я останавливаюсь, вокруг никого, поднимаю юбку и поправляю их. Я вижу мост неподалёку. Мертвец совсем вылетел из моей головы. Мне даже стыдно, что я так быстро забыла про неё. Лежит там одинокая.

(Мёртвая)

Мёртвая. Мир её больше не увидит. Может быть её никогда не найдут.

Мне становится интересно, там ли она. А вдруг меня увидят возле неё? Что они подумают?

(Что ты нашла труп, которому минимум три дня)

Я спускаюсь по щебню. Она там же. С опущенной головой. "Не смотрите на меня такую"
Грустная.

(Мёртвая)

Мёртвая.

Я сажусь напротив неё. Сегодня она совсем меня не пугает. Теперь она смотрит в землю. "Мне стыдно, не смотри на меня такую. Мне стыдно и грустно". Волосы свешиваются на лицо. Длинные светлые колосья.

Джинсы обтягивают стройные ноги, обутые в кеды. На ней клетчатая синяя вельветовая рубашка, под которой бесформенная футболка.

Я чувствую необъяснимое желание увидеть её лицо. Ужасная жажда. Я подаюсь к ней и в нос бьёт неприятный запах. Я морщусь и аккуратно убираю её волосы с лица. Ещё красивое лицо покраснело, мутные глаза смотрят с укором. На её шее сплошь чернеют круглые синяки.

Это действует на меня как пощёчина.

(Тупая овца, её задушили! УБИЛИ! А ТЫ СМОТРИШЬ ПОКОЙНИЦЕ В ЛИЦО!)

В ужасе я отползаю назад. Боже, я прикасаюсь к мертвецу, что не так со мной? Я сижу в оцепенении.

(Мёртвые не кусаются)

Ну да. Чего я испугалась? Ну, дотронулась до волос мёртвой девушки. Больше я этого не сделаю.

– Извини меня. – Шепчу я.

(Теперь разговариваешь с ней?)

Ну, а что? Она же была живой недавно, покойников тоже нужно уважать. Мурашки побежали по моему затылку.

Я поднялась и отряхнулась.

– Пока. – Я зашагала прочь.

(Пока мёртвая девочка)

Телефон звонит весь день. Один и тот же номер. Сорок пропущенных.

«Какой назойливый»

Хотела бы я, чтобы мне так звонили.

На следующий вечер поезд везёт меня с работы домой. Мертвая девушка так и сидит в моей голове целый день. Почему её ещё не нашли? Кем она была? Кого она любила? Я даже ни разу не вспомнила о бургерах.

Выйдя на своей станции, я не колеблясь иду под мост.

– Привет. – Она всё там же, виновато сидит в тени. "Не смотри на меня такую"

Я сажусь напротив неё и разглядываю. Больше я не сделаю такой безумной штуки, как пробовать потрогать её.

Куча вопросов в моей голове. Она же совсем недавно было живой.

– Какой ты была? – Мой голос звучит так неожиданно, что я вздрагивая.

Я думаю, что у тебя, наверное, был парень, и он тебе безумно нравился. И ты не могла дожидаться его звонка или сообщения. Часами разглядывала его фото, особенно то, на котором он улыбается, редкое фото. Обычно у него серьёзное лицо. От него у тебя теплело внизу живота и намокали трусики. Тебе нравилось отдаваться ему и чувствовать, как он заполняет тебя. И было так хорошо. И тебе нравилось чувствовать его сильные руки на своих бёдрах. Он доводил тебя до оргазма своими длинными пальцами, если заканчивал раньше чем ты.

Как ты лишилась девственности? Вы выехали на его машине за город и поднялись на холм, с которого весь город как на ладони? Ты боялась и дрожала, но он был нежен и всё было чудесно, а ты потом втянулась и хотела его всегда, всего, возбуждаясь от одной мысли о его запястьях.

Ревновала ты его? Наверное, не очень сильно, ты не похожа на поехавшую ревнивицу. Мне так кажется.

Я молчу и смотрю на неё. (По крайней мере ей ты можешь говорить как есть)

– Я была жуткой ревнивицей. – Я опустила глаза. Даже перед мертвецом мне стыдно.

– Мы познакомились на работе. Я только устроилась туда после института.

Я помню тот день. Я стояла у автомата с закусками и он встал за мной. Я взяла шоколадку, повернулась и налетела на него грудью, чуть не сбив его с ног. Он посмотрел на меня своими бездонными глазами и рассмеялся. А я убежала вся красная.

– Ну вот, теперь и мне грустно. – Говорю я девушке.

Я видела его каждый день. Мелькал то тут-то там. Пока однажды не подстерег меня у выхода. Мы шли к метро и я не могла связать даже двух слов – я на экзаменах так не волновалась.

– Когда он обнял меня на прощанье и прижал к себе, я, клянусь, увидела наших детей и собаку. – Улыбка раздвигает мне губы.

– Но я всё испортила. Я ревновала его ко всем. А когда пила лишнего, то не могла себя контролировать и сводила его с ума скандалами. – Я закусываю губу. – Он и так был слишком хорош, чтобы быть правдой.

Мы расстались с Никитой и я была выбита из жизни. Я не ела, не спала, не могла работать. Я просто сидела и смотрела во включенный компьютер. Потом ехала в поезде и смотрела в окно и ничего там не видела. Дома я просто лежала и смотрела в потолок. Я даже не плакала. Я могла умереть. И я даже решила умереть. Я не чувствовала ни горя, ни отчаянья. Я не чувствовала ничего. Я решила просто умереть. А потом я подумала, что если Никита узнает о моей смерти, то осознает, что меня больше нет. Поймёт, что это из-за него и может убьёт себя тоже. От этой мысли стало лучше.

Я стояла на перекрёстке, а когда одна из машин поравнялась со мной, я прыгнула. Получила только перелом ноги. Когда я пришла в себя, в палате, рядом со мной, сидела мама.

– Дай мне телефон. – Было моими первыми словами.

"Я попала в аварию. Я жива. Только ногу сломала. Со мной всё ок" Я отправила смс на номер Никиты и закрыла глаза. Мама что-то говорила мне. Я не обращала на неё внимания. Я ждала ответа.

Ответа не было. Я написала ещё одно смс, что может со мной и не совсем ок и немного больно. Потом я написала, что нога ужасно болит. Ответа не было.

И я стала писать бесконечные смс. В ответ не пришло ни одного. Я чуть на стену не полезла.

Молчание не давало мне покоя. Боже, какая это была пытка. Мама оставила телефон и ушла, я даже не заметила когда. Почему он молчит? Неужели ему меня не жалко? Я лежу тут с переломом, а он даже не ответит?

Я залезла под одеяло и набрала его номер. Длинные гудки звучали, пока оператор не прервал вызов. Он не у телефона! Это было облегчением. Он наверное работает! Он работает, а не игнорирует меня. Я написала ещё смс.

Время шло. Ответа не было. Я снова потеряла покой. Где он? До сих пор занят? Почему не отвечает? Я снова позвонила. Трубку не взяли. В отупении я писала и звонила без остановки.

Уже наступил вечер, когда он снял трубку.

– Аллю.

– Привет. – Промямлила я. Хоть и названивала ему весь день, я понятия не имела, что ему сказать.

Он молчал.

– Я в больнице. – Наконец сказала я.

– Понятно. Что-то серьёзное?

– Нет. Ногу сломала. – И я не знала, что ещё сказать.

– Понятно.

Я молчала. Он молчал.

– В палате столько народу. – Я подумала, что нужно хоть что-то говорить и стала трещать про всё подряд. Про людей вокруг меня, как я собиралась в кино на следующей неделе, как нога болит без обезболивающего и выкручивает, словно кто-то крутит её как вентиль.

Он всё молчал. А я не замолкала, лишь бы он остался на связи подольше, хоть и молчит, но, он же здесь. И кто знает, может ему станет меня жалко.

– Приедешь проведать меня? – Внезапно пролепетала я.

– Что?

– Приедешь меня проведать?

– А, конечно, приеду. Хорошо. – Всё во мне возликовало. Словно луч прошлого осветил мою внутреннюю тьму. Как обещание того, что всё ещё будет как тогда.

– Когда? – Дыхание спёрло.

– На неделе. Давай я позвоню, когда буду точно знать?

– Хорошо. – Я улыбалась как ребёнок, которому дали конфетку.

– Ну, ладно, давай тогда. Созвонимся.

– Хорошо. Пока.

Но, он больше не позвонил. Я ждала и ждала, но телефон молчал. И тогда я стала звонить и писать сама, но ответа так же не было. И день и два.

Она виновато сидит напротив меня, волосы закрывают лицо. Больше её не поцелуют. Больше не проведут рукой по лицу. Не укусят за нижнюю губу.

Я представляю, как ты познакомилась с ним на рок-концерте. Из тех, где все вокалисты кричат дурным голосом и похожи на Курта Кобейна. И он, должно быть, был в рубашке и с длинными волосами, может даже в очках. Очень высокий и худой как щепка. Я представляю, как он неуверенно заговорил с тобой в перерыве между группами, а в следующий перерыв угостил тебя пивом в пластиковом стакане. Клуб провонял пивом и табачным дымом. Он взял адрес твоей страницы в соц. сети. А после концерта ты невольно смотрела по сторонам с каким-то непонятным чувством, похожим на смутное отчаянье. И ты заметила его на входе с друзьями. Парней, девушек. И внутри что-то оборвалось и плечи опустились.

По мосту проезжает грузовик и я прихожу в себя. Смотрю на часы. Я пробыва здесь полчаса. Полчаса, разговаривая с мёртвой девочкой. По спине пробегает холодок.

(Звони в дурдом, самое время)

– Пока, мёртвая девочка. – Мне становится жутко от того как это звучит.

Но вместе с тем мне стало... легче на душе, чтоли?

Я иду домой и мне очень грустно. Я представляю, как ты лежишь там совсем одна. Одинокая, виноватая. (Мёртвая)

Мёртвая.

Я взяла бутылку рома.

Поезд везёт меня с работы. Весь мир превратился в похмельный ад. Я еле выдержала эти девять часов. И выпила миллион литров воды. Я так давно не пила, что и забыла как ром коварен. В итоге я очнулась голой на полу, от звона будильника. Звук предвещающий террор.

Жара и любое прикосновение вызывают жуткую тошноту. Я вжалась в окно, чтобы никто ко мне не прикасался. Голова раскалывается, веки горят.

Я иду домой и даже не собираюсь спускаться под мост. Но чувство вины берет верх. У неё же нет никого кроме меня, не бросать же её там одну.

Это была плохая мысль.

Я спускаюсь под мост и запах бьёт мне в нос. Намного сильнее чем был вчера. Желудок подпрыгивает к моему горлу и я сгибаюсь пополам. Потоки желчи выливаются и выливаются из меня болезненными спазмами, словно огромная рука ухватила мои кишки и наматывает их на кулак. В ушах начинает звенеть. Я падаю на колени от изнеможения.

И вдруг, сквозь спазмы, я что-то слышу, какой-то звук. Я поворачиваю голову. Ты всё так же сидишь с виновато опущенной головой. Я вижу твоё раздувшееся лицо и новый спазм выжимает из меня желчь.

Когда всё прекращается, я оглядываюсь вокруг. Мне показался этот шум? Скорей всего это я и была.

Телефон опять звонит, второй день подряд. Я беру трубку.

– Алло?

– Таня?

– Она умерла.

– Что?

Я собираюсь положить трубку, когда на другом конце кричат.

– А ты кто?

– Её сестра.

Посыпались вопросы – главная причина почему я не беру трубку. И сейчас не следовало брать.

– Я не хочу говорить об этом.

– Хорошо, я понимаю. – Молчание. – Слушай, Таня была мне близким другом. Давай увидимся где-нибудь?

– Зачем? – Меня бросает в жар, словно он сказал что-то непристойное.

– Мне нужно всё узнать. Что случилось.

– Ну, я не знаю...

– Ну, пожалуйста! – Всхлипы на другом конце трубки.

– Ну, ладно. – Не умею отказывать людям.

– Спасибо.

Ну вот, блин, опять меня втянули во что-то. Меня угнетает чужое внимание. Почему меня не могут просто не трогать?

Жома я опускаюсь на диван. Меня давит не столько новое обязательство, сколько воспоминания которые просачиваются словно в приоткрытую дверь морозный воздух улицы. Таня была моей сестрой. Единственный человек которому было до меня дело. Старшая сестра, к которой я всегда могла прийти за советом. Лучшая подруга, с которой никогда не было скучно. Я вздыхаю и вытираю мокрые глаза. В прошлом всегда лучше и я ныряю в него, на крыльях слёз и ветра. Её добрые смешливые глаза и гордый подбородок. Лето в деревне. Общие игрушки. Мы заплетали цветы друг другу в волосы. Мама всегда её любила больше. Они были одинаковые, это я выделялась на их фоне. Я была чужой. Но любовь моей сестры невозможно было измерить ни одними весами. Она была всегда рядом, когда нужно. Ничто не могло заставить её опустить глаза и убрать улыбку с её губ. Это её и погубило.

Слёзы текут из меня бесконечным потоком. Я рыдаю как маленькая обиженная девочка. Почему это происходит со мной? Почему я теряю людей одного за другим? За что мне всё это?

Слёзы уносят с собой тоску и боль. Мне становится чуть легче. Я сворачиваюсь калачиком и засыпаю.

Новый рабочий день. Когда он кончается я не еду домой. Впервые за год, наверное.

Я захожу в кафе и набираю номер. Почти сразу парень за одним из столиков поднимает руку. Он высокий и черноволосый. Красивый. Только такой и мог быть у моей сестры. Люди под стать ей.

– Привет. – Он встаёт из-за стола.

– Привет. – Я протягиваю ему руку. Он мягко пожимает её двумя руками. Его зовут Саша.

Мы садимся и я начинаю рассказывать. Сначала тяжело, потом легче и легче. Я рада выплеснуть из себя воспоминания, я рада, что кто-то хочет знать о моей сестре. Я рассказала всё: про свадьбу, про аварию, кому, и про то, как однажды её сердце просто перестало биться. Не рассказала я лишь о том, что глубоко внутри я была рада, что Таня умерла, а не превратилась в растение как предполагали врачи.

Скомканные салфетки покрывают столик, когда я заканчиваю. Официант даже принёс новые.

Саша сидит с мокрыми глазами, закрывая ладонями рот. Он молчит и это хорошо, мне нужно прийти в себя.

– Как давно это было?

– Три года назад.

– Так давно?

– Ну да, как ты мог не знать, если такой близкий друг? – Откуда-то во мне появляется злость.

Его взгляд становится таким, словно я вlepила ему пощёчину.
Мне становится стыдно.

– Мы сильно поссорились. – Он опускает голову и разглядывает свои руки. Красивые длинные пальцы. – Уже лет пять прошло.

Он вытирает глаза.

– Я так скучал по ней.

– А чего ж не позвонил её раньше? – Я снова чувствую злость.

– Гордость. – Горько улыбается он. – Ждал, что она сделает первый шаг. А почему у тебя её телефон?

– Я взяла его себе, после её смерти, на память. Все её вещи остались в Танжире.

– Спасибо, что встретила со мной, для меня это многое значит. – Он берёт мои руки в свои и меня снова бросает в жар.

Я иду домой и все мои мысли о Саше. Даже непривычно, что я испытываю симпатию к парню. Этого не было так давно. Словно снова разносить новую обувь. Ну вот, мне понравился парень, а даже рассказать некому.

(Кое-кому есть)

И правда.

Я спускаюсь под мост и ты всё так же там. Одинокaя, грустная

(Мёртвая)

Мёртвая.

– Привет. – Я сажусь подальше от неё. Запах стал ещё сильнее, но пока что это не вонь, а просто душок. – Как дела?

Дела у неё неважно. Всё лицо и руки покрылись огромными красными волдырями.

– Я вижу. – Говорю я. – А я познакомилась с парнем и он мне нравится. Ну, он вообще-то бывший парень моей сестры, которая умерла. И мне стыдно даже, как будто я украла что-то у сестры, звонил-то он ей.

Слёзы подкатывают к горлу. Я рассказываю ей, как я любила сестру, как смотрела на неё в гробу и не могла узнать. И мне было страшно. Мне казалось, что это был другой мёртвый человек, который прикидывается моей сестрой. Она не могла стать вдруг такой маленькой и сморщенной. А потом когда гроб стали опускать, я всё ещё ждала, что это окажется какой-то шуткой и она, ну, просто типа сильно заснула. Чем глубже в яму она опускалась, тем острее я чувствовала как мир вокруг становится теснее. Как вместе с ней уходит что-то изнутри меня, воспоминания, места, которые теперь тоже будут пустыми. Словно сам её дух уходил из этих мест и лишал их красок и эмоций. Когда могильщики стали засыпать гроб, я поняла что больше её не увижу и это было шокирующее новое ощущение. Я БОЛЬШЕ НЕ УВИЖЕ ЕЁ НИ-КОГДА.

Я рыдаю, закрыв лицо руками. Я размазываю тушь по щекам. Мёртвая девочка теперь кажется ещё грустнее, будто она грустит теперь ещё и за меня. Но мне становится намного легче. Никому из живых я не рассказывала об этом, мне трудно открываться людям. Не хочется вываливать на них свои проблемы.

– Спасибо что выслушала. – Говорю я покойнице и вдруг чувствую на себе взгляд. Колющее чувство на шее.

Я смотрю по сторонам, но никого не вижу. Мне становится страшно и я ухожу.

Вечером по телевизору показывают объявление о пропавшем человеке, женщине.

Ты такая улыбчивая на фото, что я не сразу тебя узнаю. В жизни ты была ещё красивее, чем я представляла. На фотографии у тебя скромная улыбка и даже в жизни у тебя были виноватые глаза. Ты пропала неделю назад. Оказывается ты жила не так и далеко от меня. Но я никогда тебя не видела. Может мы учились в одной школе? Обе стояли в одной очереди в магазине? Общались с одними и теми же мальчиками? В электричке ездили на одном кресле? Ты пропала без вести. Тебе девятнадцать. И тебя звали Ольга.

– Ольга. – Говорю я пустой комнате и мне становится страшно. Но ночью я сплю так спокойно, как не спала уже давно.

Поезд рассекает стену дождя. Тучи разрезают стрелы молний и гром оглушающе катится над полями. Такое чувство, что молнии вонзаются прямо в землю. В поезде уютно и тепло, правда слишком влажно и бабки начинают пованивать. Дай боже я умру раньше, чем стану ароматной кошёлкой. Струйки дождя стекают по окну, переплетаясь между собою. Стекло холодное и успокаивающее. Я прислоняюсь к нему лбом и немного дремлю. Электричка останавливается и я открываю глаза. На перилах перрона сидят несколько мокрых воробьёв, распушив перья.

Гроза всегда успокаивает меня и уносит воспоминаниями в глубокое детство. Гром был таким диковинным зверем. А грохот дождя по тонкой крыше коридора немного пугал. Словно он напал на дом, пытаясь пробиться внутрь. Я специально выбегала в коридор, чтобы его послушать. Грохот становился таким громким, что занимал собою весь мир. Иногда я успевала залезть на чердак. И там, среди запаха сухих кукурузных початков и теплого сумрака, я замирала в полном восторге, когда канонада дождя обрушивалась на мир вокруг. Я подползала к крошечной стеклянной двери чердака и смотрела как ветер нёс полосы дождя над полями и дорогами. Как капли дождя взбивали густую сухую пыль на обочине дороги, словно тесто.

Голос объявляет мою станцию и я выхожу. На платформе маленькая девочка радостно визжит и подставляет под дождь ладошки, пытается поймать капельки. Она идет, держа маму за руку, и прыгает по лужам. Её смех заражает жизнью всё вокруг. Когда-то и я была девочкой и умела просто радоваться дождю.

Я иду под ливнем и капли на моём лице смешиваются с моими слезами, стекая по щекам.

Мама всегда говорила «Как из такого жизнерадостного и улыбчивого ребёнка могла вырасти ты?»

«Росли умными – выросли глупыми»

Слёзы душат меня. Я дрожу, но не от холода. Ласковый летний дождь пытается смыть мою печаль, но, получается только смыть косметику.

(Тебе нужно выговориться)

Я подхожу к мосту и спускаюсь под его свод. Здесь душно и сильный запах сразу бьет в нос.

Ты сидишь такая же грустная и одинокая, и

(Мёртвая)

мёртвая.

Но сегодня в тебе что-то изменилось. Это так странно и так маняще.

(Как она могла измениться? Она же мёртвая!)

Но ты и правда выглядишь иначе. Я морщусь нос и подхожу ближе. Ты стала больше. Лицо и руки набухли, кожа позеленела, язык свисает изо рта. Тебе точно стало смертельно скучно торчать тут целыми днями. Из носа сочится розоватая пена. И добавился новый запах, более знакомый. Это твои испражнения вытекают наружу.

Это так мерзко, что я отвожу взгляд, и мне за это стыдно.

– Прости, Ольга. – Говорю я мёртвой девочке.

Я сажусь подальше от неё и смотрю в сторону.

– Я вчера видела тебя по новостям. Тебя всё же начали искать. – Муравей тащит щепку по песку у моих ног. – Ты была такая красивая.

Мне становится очень жаль Ольгу и ещё более стыдно за мою брезгливость. Она же не виновата в том, что её убили.

(А может виновата)

Не может она быть виновата. Она была такая красивая и милая, она точно не заслужила такого.

– Когда я была маленькой, я представляла как вырасту и буду красивой. – Я смотрю как муравей пытается перетащить щепку через арматуру. – Я представляла как бегу через поле красных маков в красивом сарафане.

Слёзы подступают к глазам. Слёзы за меня, слёзы за Ольгу, слёзы за все неосуществлённые грёзы всех девочек мира. Я рассказываю ей про детство, глотая слёза.

Когда я заканчиваю, мне становится намного легче.

Дождь снаружи уже прекратился и только капает с листьев деревьев. Я вытираю салфеткой глаза и тушь.

– Доброй ночи, Ольга.

Я вылезаю из-под моста и огромный свежий мир расстилается вокруг меня. Такой большой, в котором есть место для всех.

(Даже для тебя)

А ведь и правда, где-то есть место для меня. Где-то есть те, кому я буду нужна. Вот возьму и завтра сама позвоню Саше, позову куда-нибудь, он милый. Всё не так плохо. Я ещё молода и полна сил.

(Ольге нужно было умереть, чтобы ты это поняла?)

Мне становится дурно от этой мысли и мой энтузиазм улетучивается. Я шмыгаю носом и иду домой по мокрой дороге.

Когда я отхожу от моста, у меня появляется непонятное чувство. Возле дома оно пропадает, но я понимаю, что это было за чувство.

Чувство чужого взгляда.

Я оглядываюсь, но никого не вижу.

– Промокла?

Я подпрыгиваю на месте от испуга.

– Извини-извини, не хотел тебя напугать. – Мой сосед, седой уже дедушка, добродушно разводит пальцами. Зажатая во рту самокрутка попыхивает в усы.

– Ничего страшного, просто задумалась. – Натягиваю я улыбку.

Безжалостный будильник выдергивает меня в настоящий мир. Солнечные лучи скользят в мою спальню. Я встаю на ноги. Чувствую себя прекрасно. Эти два дня спала как младенец на груди матери. Я открываю окно настежь и впускаю солнце в дом, натягиваю шорты и приплясывая иду на кухню. Пока закипает чайник я включаю телевизор на кухне. На экране снова ты, Ольга. Я делаю громче.

... сильно пострадало от процесса смерти ("процесс смерти. Каково?") но родные смогли опознать свою дочь ("таки спохватились")

Мне радостно что ее, наконец, нашли, но вместе с этим и грустно, словно близкая подруга навсегда переехала в другой город или типа этого.

– Жертва была найдена в посадке у бензоколонки, на выезде из города.

Я роняю сахарницу на пол.

"Как на выезде?"

Я приковываюсь к телевизору.

– Ты же была под мостом! – Я сжимаю щёки ладонями. Они полыхают огнём.

Диктор продолжает рассказывать. Тебя нашли вчера вечером. Какой-то дальнобойщик отошёл до ветру и чуть не наступил на тебя.

– На теле обнаружены следы борьбы. Также у покойной отсутствует безымянный палец правой руки.

Боже, с тобой же всё было в порядке вчера. И ВЧЕРА ТЫ БЫЛА ПОД МОСТОМ!!! Меня охватывает ужас, как никогда прежде.

– Главным подозреваемым является парень убитой. Он был помещён в следственный изолятор.

Его фотография. Он такой, каким я его и представляла, длинные волосы и рубашка в клетку.

Но это какой-то кошмар! Кто сделал это с тобой? Кто вытащил тебя из-под моста и отрубил тебе палец? Что вообще происходит? Всё настолько сюрреалистично, точно я сошла с ума. (Успокойся. Случаются вещи и хуже. Ты уже ничего не сможешь сделать)

Трясущимися руками я пью чай и постепенно моё возбуждение спадает.

(Так-то лучше)

Я смотрю на часы. Мне пора собираться на работу. Я беру косметичку и иду в ванную. Когда я открываю дверь, я сразу замечаю это. Оно лежит на раковине возле мыла. Оторванный карман синей клетчатой рубашки. Я не могу сдвинуться с места от ужаса, меня трясёт как в лихорадке. Я сразу понимаю, что это за карман. Он оттопырен, в нём что-то лежит.

«Боже! Это её рубашка!»

Я знаю, что лежит в кармане и ничего не могу с собой поделаться, руки сами тянутся к нему. Я поднимаю карман за краешек и палец вываливается наружу, скользит по раковине и замирает на решётке стока. Он обвинительно направлен на меня.

Я кричу так, что понимаю, если не остановлюсь, то сойду с ума от своего же крика.

(Кто-то был в твоём доме! Кто-то был в твоём доме пока ты спала! Смотрел на тебя спящую! Оставил палец убитой в твоей ванной!)

Мне словно дают пощёчину

(Может он до сих пор в твоём доме!)

В зеркале что-то мелькает. Я оборачиваюсь и захожусь в крике, машу руками и пячусь назад, словно собака. Мужские руки смыкаются на моих запястьях. Он что-то кричит мне. Проходит бесконечно долгая секунда ужаса, прежде чем я узнаю в человеке своего соседа из соседнего дома. Дедушка, который часто сидит на скамейке за двором по вечерам.

– Тише-тише! Ты чего? – Выглядит он ещё испуганней меня. – Что случилось?

Я замолкаю и сердце падает в самый низ моего живота. Потому что я вижу ещё одного человека за его спиной. Он возвышается над ним тёмной громадой, заслоняя свет из окна. Глаза соседа закатываются, когда топор врезается ему в голову, словно хотят посмотреть что это за чёрт его дери только что разрубило мозги пополам. Кровь веером брызжет мне в лицо. Я онемела от ужаса и могу только пятиться на заднице, судорожно хватая воздух ртом. Меня всю трясёт. Ноги соседа подкашиваются и он падает прямо передо мной. Топор всё так же торчит из его головы.

(БОЖЕ, ЕГО ЗАРУБИЛИ КАК СВИНЬЮ! И С ТОБОЙ БУДЕТ ТО ЖЕ САМОЕ! БЕГИ! СДЕЛАЙ ЧТО-НИБУДЬ)

Но я не могу двинуться, я забиваюсь в угол ванной, скуля и подвывая. Слёзы и сопли текут по моему лицу.

Убийца стоит в дверном проёме. Он огромен, с длинными чёрными волосами, ниспадающими ему на лицо, большими руками и самодовольной улыбкой, которая пугает больше чем всё остальное.

Он медленно наступает ногой на шею убитого и я слышу как скрипят позвонки под его ботинком. Он упирается ногой и тянет топор, но тот засел так сильно, что не вынимается. Тот дёргает и топор выскальзывает с утробным чавканьем. Мужчина облизывает лезвие, с кровью и мозгами на нём. Топор такой острый, что острие режет ему язык и кровь стекает по подбородку. Улыбка становится шире.

(ЭТО-ТВОЯ-СМЕРТЬ!)

Это взрывается в моём мозгу фейерверком и выводит меня из ступора. Я кидаюсь на четвереньках в сторону, но мужчина пинает меня ногой назад в угол. Я зажата, а он подходит всё ближе ко мне. Он замахивается, я инстинктивно уклоняюсь в сторону и топор выбивает фонтан осколков из кафельной стены, которые впиваются в мою правую щёку. Он снова поднимает топор и теперь мне некуда бежать.

Крик ужаса разрезает воздух. Но кричу не я. В дверях стоит дочь убитого соседа и её лицо один большой белый круг с чёрным нолём рта внутри. Мужчина оборачивается.

(ПОШЛА!) взрывается внутренний голос.

Я бросаюсь меж его расставленных ног. Он пытается меня схватить, но поздно, я проскальзываю и на четвереньках рвусь к двери. Топор врезается в ковёр и моя ступня отделяется от лодыжки. Это происходит так быстро, что я не сразу понимаю что случилось. А в следующую секунду мир меркнет, чтобы сразу же взорваться ужасной болью. Я вою как побитая собака и пытаюсь подняться на ноги, но правой ногой не на что подниматься. Боль бензиновым пламенем поднимается от лодыжки. Я судорожно хватаюсь руками за всё подряд и ползу к двери. Хватаю столик за ножку и опрокидываю его на себя. Столешница больно бьёт мне по голове и в ушах начинает звенеть. Ладонью я натываюсь на ножницы и они пронзают ладонь. Я визжу и отбрасываю их другой рукой. Он идёт за мной. Он не спешит. Я чувствую как лезвие топора вонзается мне в бок и становится нечем дышать. В исступлении я хватаю его запястье своей разорванной рукой и из последних сил дёргаю вниз. Он падает прямо на меня и придавливает к полу. Я слышу, как ломаются мои рёбра и чувствую его каменный стояк, упёршийся мне в поясницу. Он приподнимается и рывком переворачивает меня. Наваливается сверху и мои сломанные рёбра протыкают мне левое лёгкое. Я судорожно дёргаюсь, пытаюсь сделать вдох. Кровавая пена выступает на губах. Его глаза напротив моих. Его кровь стекает с подбородка и капает мне на лицо, а глаза горят безумием бешеной собаки. От одного этого взгляда я почти теряю сознание. Он тянется к моему горлу. И тут я нащупываю ножницы. Я что есть силы прижимаю его к себе левой рукой, как страстная любовница, которая уже не может терпеть. Как бесконечно любящая своего сына мама прижимает своего ребёнка к груди, чтобы уберечь его от всех бед.

Он меняется в лице, когда я вонзаю ножницы ему в спину. Его лицо становится всё испуганней с каждым ударом. Он пытается оторвать меня от себя, но я вцепилась в него как может вцепиться только бешеная полураздавленная кошка. Он поднимается на ноги вместе со мной на груди. Его глаза вытаращены. Я кричу от ярости. Раз за разом ножницы входят в его спину. Я обхватываю его ногами, как женщина в постели обхватывает мужчину, чтобы он входил в неё ещё глубже. Но это я вхожу в его плоть. Он покачивается и падает на спину. Моя левая рука ломается в запястье, но я не выпускаю ножниц. Я никогда их не выпущу! Его руки сходятся на мой шее и я всаживаю ножницы ему в лицо. Я протыкаю его глаза, щеки, нос. Я превращаю

его лицо в лоскуты. Руки всё сильнее сжимают мою шею. В глазах темнеет. Рука с ножницами уже не поднимается. Боль уходит и весь мир исчезает.

Темнота взрывается светом и я врываюсь в него с криком. Боль разрывает меня пополам. Я вскакиваю и трубки с проводами вырываются из моего тела. Чьи-то руки хватают меня и куда-то укладывают. Всё вокруг слепяще белое. Потом темнота снова уволакивает меня к себе.

Я открываю глаза. Свет уже не такой яркий. Веки тяжело открываются, словно залепленные какой-то жижей. Я пытаюсь поднять руки и не могу. Сбоку ко мне подсакивает человек.

– Тише-тише, не шевелись. – Руки мягко прижимают меня.

Я с трудом поворачиваю голову. Напротив меня сидит смутно знакомый парень.

– Никита? – Выдавливаю я пересохшими губами.

У него встревоженное лицо, но он пытается выдавить улыбку.

– Привет. Это я, Саша, друг твоей сестры. Мы виделись недавно.

– Саша. – Я откидываюсь на подушку. – Где я?

– Ты в больнице. Всё будет хорошо.

В больнице? Что я делаю в больнице? Я не знаю, как сюда попала. Я пытаюсь вспомнить, но голова наливается болью.

– Что я здесь делаю?

– На тебя напали неделю назад.

– Кто? – Я ошарашена. – Зач... Неделю назад?

Мне кажется я крикнула, но на деле просто просипела.

– Ты неделю была в коме. – Саша берёт меня за руку. Какие у него тёплые ладони. –

Полиция позвонила по последнему номеру в журнале и он оказался моим. Я сразу приехал.

– Ты один?

– Нет, твоя мама тоже здесь. – Он запнулся. – Ну, была. Мы по очереди дежури́м у тебя.

– Что врачи говорят?

– Что ты уника́м. – Он улыбается. Но веселья в улыбке нет. – Что ты настоя́щий боец.

– Я, боец? – Мне смешно, но жуткая боль в груди заставляет стиснуть зубы.

Саша берёт мою ладонь в свои. Сразу становится легче. Головная боль медленно проходит.

– Всё будет хорошо. – Саша целует мою ладонь.

Я закрываю глаза и слезинка скатывается по щеке. Я не могу вытереть её и рада, что Саша её не видит. Он гладит мои руки и боль уходит. Я засыпаю.

За окном, в больничном дворике, сидит маленькая девочка с костылями. Она наблюдает, как маленький муравей тащит хвоинку, которая больше него в несколько раз. Он постоянно падает на спину и роняет хвоинку, но каждый раз снова тащит её дальше. Раз за разом. Раз за разом.

Тонуций в океане кисок

Жена выгнала меня из дома и выкинула все вещи. С деньгами было все плачевно. Полгода нужно было покопить, закрыть кредиты и снять квартиру. Я составил список подруг и написал первой: "Тыпустишь меня пожить у тебя месяц, за это я буду тебя крепко трахать и вкусно готовить". Уже через три минуты она написала адрес. Она была милая кошатница, скромно кончающая шепотом. За месяц у нее я заработал аллергию на кошек и стал разбираться в Доме-2. Она мало разговаривала и только смотрела своими бездонными голубыми глазами. В конце месяца она предложила мне жить дальше, но это было не по плану. За месяц ты не успевал до смерти надоест человеку, не успевал сжиться с ним, а после месяца это уже было бы похоже на отношения.

Второй хозяйкой была избалованная 18-летняя девочка при деньгах. Весь месяц она нюхала порох и не выпускала меня из кровати, я спал часа по два в сутки, в основном отсыпался в метро, после работы, чтобы не ехать домой.

В доме происходил форменный пиздец, на кухне нон-стопом шел рейв, терлись какие-то люди, без остановки сыпались дорожки, гудели бонги, в углу стояло наполненное мутной водой 15-литровое ведро с обрезанной двухлитровой бутылкой. Пять раз я просыпался от того, что подруги хозяйки начинали заниматься со мной сексом, не спросив даже имени.

В конце месяца я вытряхнул из куртки три грамма спидов, пять марок и пол-веника чая, тихонько собрал вещи и по-английски ушел. Третьей по списку была певица с шикарными бедрами. Началась спокойная жизнь, тишина и покой. Просыпался я от того, что хозяйка распевалась голой перед зеркалом. Она была милая и очень домашняя, умела расслаблять мышцы горла и гордилась тем, что могла заглатывать член целиком. Она имела такую бешеную энергетику, что рядом с ней невозможно было уснуть, я спал на диване и наконец отлично высыпался.

Через неделю этой идилии моя прошлая хозяйка вышла из марафона и обнаружила, что я бежал. Дня через три она выследила меня и, когда я отпер дверь в квартиру, налетела сзади и затолкнула внутрь. Слов было не разобрать, она просто верещала. Зрочки ее были размером с блюдце. Попытки урезонить ее были бесполезны, я сел к столу и наблюдал за истеричкой. Она бегала по комнате и кричала – как я мог променять ее на кого-то еще, когда она от всего сердца пустила меня пожить, что убьет меня, а потом себя. Тут в замке щелкнул ключ и она заткнулась. Моя хозяйка-певица зашла в квартиру, в шляпе и с пакетом покупок. Спидовая хозяйка заверещала и бросилась на нее. Консервированный горошек улетел в стеклянный шкаф, яблоки рассыпались по ковру. Хозяйка-певица схватила початок кукурузы и принялась мутузить им вторую. Я благоразумно дал им заниматься делом, налил себе выпить и наблюдал, как они рвут друг на друге волосы и дерутся овощами.

Признаться, я даже возбудился от этого зрелища. Через пятнадцать минут наконец приехала полиция. Они схватили спидовую и спросили, что с ней делать. Она стояла с размазанной как у Джокера косметикой, расцарапанная в кровь, с клочками волос, торчащими во все стороны. Со слезами на глазах я сказал, что отведу это разодраное чучело домой и они ее отпустили. С чувством отчаянья я собрал вещи и ушел с ней. Певица сказала, чтобы я больше ей не звонил и, по возможности, сдох в ужасных мучениях. Мы ехали в такси и малолетка выла всю дорогу, уткнувшись мне в грудь. На рубашке остался прекрасный тест Роршарха. Дома она показала мне картину, которую она нарисовала на днях. Это был мой портрет. Ну, то есть, она так сказала. Это была средней паршивости мазня, сделанная под кислотой, феерия разно-

цветных мазков параксизматически размазанных по холсту. Венчал все это отлично прорисованный багровый МПХ (мужской половой хуй)

Чем дольше я смотрел на картину, тем сильнее мне хотелось кого-нибудь пытаться. Моя хозяйка утянула меня в спальню и, после очередного изнасилования, я пошел к холодильнику. Из еды там было только молоко и забитая спидами морозилка. Молоко скорей всего было со спецэффектами. На кухне был какой-то закисленный патлатый ебила в черном плаще. Он давился словами и кое-как проскулил, что узнал меня и показал тату на руке – название моего рассказа "Только молодые умирают молодыми". Я дал ему фиолетовый фантик от конфеты и он погрузился в него до следующего вечера. Хозяйка со своей 16-летней дредастой подружкой развлекали меня до утра своими охуительными историями, потом предложили групповуху побыстрому, получили решительный отказ, снюхали по солидной дороге и стали собираться в школу. За окном выпал первый снег. Я надел беруши и уснул, под "Колыбельную" Merzbow & Masona ревущую на весь дом.

Третий месяц пришлось доживать здесь. Кроме регулярных изнасилований я имел задушевные разговоры с различной степенью вменяемости объебосами. Больше всего мне понравилось играть в шахматы с заспидованным учителем информатики, преподающим у моей хозяйки. За один мой ход он успевал придумать десять комбинаций, разыграть их у себя в голове и, если они оборачивались неудачей, он с криком переворачивал доску. Один раз мне удалось победить, когда, вместо спидов, он снюхал дорожку стирального порошка и его увезли в больницу.

Когда месяц подошел к концу – я действовал решительно. Я подкараулил хозяйку в ванной, запер там, открыл все ее нычки и разложил все ее объебосские запасы по квартире. После этого позвонил ее маме и довольный собой свинтил, надеясь, что тигр, орущий в ванной, клянущийся меня убить, не вырвется оттуда. Я вышел на улицу и зашлепал по лужам, радостный как Энди Дюфрейн из "Побега из Шоушенка", после того как сбежал из тюрьмы через канализационную трубу.

Четвертой была подруга, точная копия толстой Кристины Риччи из "Баффало 66" Не знаю почему, но на обоих у меня был дикий стояк. Я прямо с порога стал стягивать штаны, но она остановила меня и сказала, что у нее есть жених и никакого секса не будет. Я поначалу не поверил и вламывался к ней в душ. После третьей пощечины я заподозрил, что она говорит правду. Я плохо спал, да и как вообще можно спать, когда в соседней комнате спит кто-то настолько сексуальный?

Как-то я уходил утром из дома, а она занималась шейпингом. Я увидел, как она тянется в лосинах, заскулил и ушел на работу, надеясь, что меня не арестуют за стояк в общественном месте.

В итоге я не выдержал. Она стояла за плитой и готовила рагу, фартук обтягивал тугую грудь. Я пил чай и упирался стояком о крышку стола. Не выдержав, я бросился на нее. Она дралась как кошка, царапая меня когтями, мы перевернули стол с мукой и катались по нарезанным помидорам. Она дотянулась до скалки и огрела меня по голове.

Я был повержен. Она склонилась надо мной, ее груди тяжело вздымались и опускались. Потом она сказала что я паскуда и тварь, и принялась расстегивать мои штаны. Потом мы лежали мокрые на полу. На лбу вылезла шишка от скалки. По кухне стал распространяться черный дым от сгоревшего рагу, она сказала, что я мудака, который испортил ей жизнь и ужин. Это было справедливо. После этого мы спали вместе. И тут тучи стали сгущаться. Она все реже виделась со своим женихом, ругалась с ним из-за любой мелочи и наоборот все больше времени проводила со мной. Когда она позвала меня в кино, я понял, что дело плохо. Я стал вести себя безобразно, рыгать при ней, пускать газы, раскидывать повсюду грязные носки, пару раз пришлось ее ударить. Но ее это только заводило. Она купила плетку, кляп, лисий хвост, сказала, что я раскрыл ее как женщину. Запахло жареным. Я позвонил ее жениху, заказал им

столлик в ресторане, оплатил ужин и позвал туда обоих, не говоря о друг друге. Они провели чудесный вечер и наутро она сказала, что все-таки свадьба состоится

Я принял это с облегчением и опаской, на всякий случай спросив о чьей она говорит свадьбе. Не о нашей с ней, чудесно. За месяц, что я у нее провел, я хорошо познакомился с ее старшей сестрой и мамой. Я уже начинал нервничать от слишком откровенно радостных маминых взглядов на меня, от которых так и веяло тещиными чувствами.

Когда я свел парочку вместе, то как-то органично перешел по наследству ее сестре. Она была сильно старше меня и разительно отличалась от сестры. После третьего развода, она, закономерно, сильно молодилась и тратила на уход за собой большую часть дня. Я был ее новой сумочкой, которую она носила с собой на посиделки с подругами, поэтому мне тоже нужно было следить за собой. Она гладила мне рубашки, брюки, раз в неделю водила к парикмахеру и барберу, кормила салатами и хорошим мясом, я вместе с ней бегал в парке и ходил на растяжку. Это была моя плата за ее гостеприимство.

Она тыкала мною в подруг как дорогим кольцом. Личность, что она для меня придумывала, поражала даже меня. Мои успехи и достижения, что она придумала, заставляли меня вести себя расслабленно и снисходительно, учтиво улыбаясь на очередной восхищенный взгляд ее подруг. Когда кто-то из подруг начинал увлекаться или строить мне глазки, она превращалась в тигрицу и рычала так, что даже мне становилось страшно. Со временем подруги находили мой номер и начинали писать через мессенджеры. Я добросовестно показывал ей все сообщения, она ехидно читала и удовлетворенно шла готовить мне стейк. Все фотографии я, конечно, сохранял себе. Тут моя спидовая подруга, у которой я жил второй и третий месяц, снова выследила меня. Я наслаждался фуагра с бокалом вина, когда в дверь раздался звонок. Что-то внутри меня ухнуло вниз. Когда хозяйка пошла открывать – ужасное предчувствие окутало меня. Я не успел открыть рта, чтобы выразить свой ужас, когда замок в двери щелкнул. "Всё" – подумал я и залпом допил бутылку.

Когда дверь открылась – всю квартиру наполнил истошный визг. Я выглянул в прихожую. Все та же спидовая стояла в дверях, махала руками и вопила. Моя нынешняя хозяйка удивленно посмотрела на нее, потом на меня, затянула пояс халата и, вдруг, ткнула пятерней спидовую в лицо и вытолкнула на лестничную клетку. Дверь захлопнулась. Крик усилился. Что-то упало, раздался железный скрежет, звук, будто кого-то бьют головой о мусоропровод, и вообще – снаружи шла какая-то бесчеловечная бойня. Я, на всякий случай, раскрыл чемодан. Крики смолкли и я стал ждать. Через пятнадцать минут я заскучал и включил телевизор, там шла передача о путешествиях. Я вернулся к брошенному ужину. Еще через десять минут я уже забыл о женщинах и погрузился в передачу. Входная дверь открылась и кто-то зашел. Я выключил телевизор. Нынешняя хозяйка тяжело переводила дух.

– Стара я уже для такого. – Она уперлась руками в колени.

Я не видел ни царапин, ни синяков, у нее даже прическая не растрепалась. Глаза горели таким огнем, что в них было страшно смотреть. Она подняла взгляд. Я сразу все понял и стал раздеваться. Она тигрицей бросилась на меня прямо в прихожей, от ее стонов закладывало уши. Все это длилось часа три. Наконец, она обмякла, пошла в душ и вышла оттуда через полчаса, снова причесаная и свежая, будто только проснулась.

Спустя пару недель меня, вдруг, встретил у двери жених ее сестры. На бедолаге не было лица. Когда я пожал ему руку, он задрожал и взвыл белугой. Я затащил его в квартиру и за бутылкой коньяка слушал печальную историю о том, как его невеста поменялась, сколько всяких штук для извращенного секса накупила.

– Она со мной такое вытворяет. – Он давился слезами.

Это был неловкий момент, я успокаивал его, надеясь, что он не знает, кто привил его невесте все эти мерзости.

– Я не могу даже отменить свадьбу, ведь из-за меня она набрала двадцать килограмм. – Он закрылся руками и зарыдал.

Я прожил у моей нынешней хозяйки еще две недели жизнью домашнего питомца. Несколько раз наносил ночные визиты особенно симпатичным ее подругам. Я поправил все финансовые дела и начал подыскивать себе квартиру. Жизнь пошла в гору. В очередной день я возвращался домой и увидел здоровенную толпу зевак возле дома моей хозяйки. Прямо из окон нашей квартиры хлестал огненный поток. Весь мой небольшой скарб сгорал сейчас внутри. В моем кармане был только телефон, паспорт, пачка сигарет и кошелек. В толпе я видел мою нынешнюю хозяйку, бегающую с полицейскими и пожарными. В толпе время от времени звучало слово "Поджог". Внутри меня щелкнуло, я сразу понял кто за этим стоит. Злость выстрелила внутри меня с такой силой, что меня затрясло. Проклятые бабы! Я отошел от толпы и присел на скамейку, вытряс сигарету и закурил. Сидел и наблюдал, как выгорает моя квартира.

Когда огонь утих и пожарные залили квартиру водой – я поднялся, попрощался с зареванной хозяйкой и поехал ночевать на работу. Я понял, пока эти женщины есть в моей жизни – мне не будет покоя. Я лег в кабинете томографии на кушетке и открыл список работы в Мурманске. Чем дальше, тем лучше. И тут мне на глаза попало объявление о наборе в арктическую экспедицию на два года. Квалификация для бортового фельдшера у меня была достаточная и я набрал номер.

Жизнь движется вперед не заботясь о тебе, если ты успел прицепиться к поезду времени, то будешь реже пропускать свои остановки. Так говорят.

Через две недели мы вышли из порта и весь обитаемый знакомый мир уходил, словно тонул, за синим хребтом океана. Я курил и морозный воздух кружил голову. По палубе ходили другие участники экспедиции. Я не видел ни одной женщины и даже внутренне расслабил пузо. Вода бурлила за кормой, в небе и рядом с брызгами кружили уже редкие альбатросы. Вот последние видимые остатки земли укрылись за водной линией.

Я закурил новую сигарету.

– Привет. Ты наш новый фельдшер? – Рздался женский голос сзади.

Я обернулся и увидел невысокую девушку, с тонкими губами и копной рыжих волос. Она была так молода и хороша, ее бестыжие глаза выдавали ее с головой.

– Да.

– А я буду твоей медсестрой. Мы подружимся.

Она улыбнулась ослепительной улыбкой и сигарета вывалилась из моего рта.

Обратная петля

По ноге пошла вибрация и карман ожил. Т. остановился, слез с мотоцикла и достал телефон – звонила мама. Он шумно вздохнул и нажал кнопку приёма.

– Алё.

– Привет! Как дела?

– Нормально.

– Ты где?

– Домой еду.

– Откуда?

– С работы.

– Как ты одет?

– Нормально. – Т. опёрся о бак.

– Чего у тебя нового?

– Мам! – Взорвался Т. – Перезвони мне через полчаса, как дома буду!

– Да что звонить? Пять минут со мной поговори.

– Мам, блин, приеду и поговорим! – Он почти кричал.

– Мне будет некогда!

– А сейчас мне некогда! – Раздражение уже кипело в нём.

– Чем ты так занят?

– Всё, я кладу трубку!

– Нет! Я против!

– А я за! Достала! – Выкрикнул он в трубку и нажал кнопку отбоя.

Он завёл мотоцикл и поехал дальше. Совесть сразу же начала его грызть. Нельзя так говорить с мамой, он знал. Он в сердцах ударил по приборной панели.

– Блять! – Заорал он.

Человек в машине справа от него вздрогнул и уставился на него.

– Хера ты пялишься, мудака? – Проорал Т. ему. Хоть и знал, что тот его не услышит, за рёвом мотора.

Человек в машине отвернулся и проигнорировал крик. Это завело Т. ещё сильнее. Он ненавидел, когда его игнорируют.

Т. ехал и пытался успокоиться. Его отличное настроение рассыпалось как засохшая ель. Характер у него был «не подарок» как говорят. Фитиль запала у него был очень коротким. С детства он понял, что рассчитывать можно только на себя и семью. Друзья предают, девушки изменяют, люди слабы. Поэтому, в мире Т., самым главным для него был сам Т. Если ему было что-то нужно, он это брал. Если это принадлежало другому, то тому следовало уметь это защитить. Такие дела. Всё просто. Единственный, кого он уважал в этом мире, кроме себя, был его отец. Тот не давал пацану спуска. Когда Т. ещё малышом приходил домой, с порванной рубашкой и грязными джинсами, тот всегда сначала выслушивал сына. Но даже если в драке был виноват не Т. и у неё были «разумные причины», то пару шлепков по заднице он всё же получал.

– Сын, это было не за то, что ты подрался. А за то, что ты вымазал штаны, которые мама для тебя стирает и гладит. Ты её огорчаешь. Маму огорчать нельзя. Ты понимаешь?

Если Т. не отвечал, то отец поднимал его за подбородок и смотря в глаза повторял:

– Я спрашиваю, ты понимаешь?

Т. кивал, слёзы злости и несправедливости стояли в его глазах. Кивал, но не понимал.

Потом он вырос и наконец понял отца. Поэтому-то, на душе и было так погано, от слов, что он сказал матери.

– Тупой мудака! – Бормотал он себе под нос и пару раз ударил себя по лицу. Как вернётся домой, сразу же перезвонит маме.

Т. заехал на стоянку и оставил там свой мотоцикл. Пообщался со сторожем и отправился домой. Жил он прямо напротив стоянки, через дорогу. Пройти в переходе и вот он подъезд.

Т. заметил, что переход выглядит свежим и чистым. Пропали все дурацкие надписи на стенах. Плитка была совсем другая. «Как это они за утро успели всё это сделать?» Даже пахло здесь лучше.

Т. вышел из перехода и застыл. Ему показалось, что переделали не только переход, но и весь его район. Исчезли рекламные баннеры. Пропали все парковки. Да и на дорогах были значительно меньше машин. И самого дома Т. не было! На его месте был большой сквер, засаженный деревьями. Т. решительно ничего не понимал. Это всё напоминало сон, в котором всё, что ни происходит, считается нормальным. Из перехода вышла женщина с коляской и прошла мимо Т. Он с выпученными глазами смотрел на неё. Она была одета в простенькую блузку и длинную юбку. Из-под юбки выглядывали чулки, какие носила его мама, когда была молодой. Тут он обратил внимание на коляску. Четыре колеса на старый лад, с широкими перегородками вместо спиц. Корпус, стилизованный под бока старых волг. Такими колясками уже не пользовались. Если только её не откопали в чулане. Он взглянул на дорогу и увидел то, что ошарашило его.

По дороге сновали старые советские автомобили, почти все сплошь «Волги», пузатые Газ-21, стильные Газ-24, безобразные Газ- 22. ИЖи фургончики, с надписями «Хлеб», «москвичи», горбатые «Москвичи». Ни одной иномарки.

– Это что... – Начал было разговаривать Т. сам с собой, когда мимо с оглушительным рёвом пролетел «Урал» с коляской. Водитель мотоцикла выглядел точно как волк из «Ну, погоди», в своём мотоциклетном шлеме, с ушами.

Т. смотрел прямо на картинку из советской хроники. Словно перенёлся назад во времени. Непонятно, как и почему.

Он пошёл вперёд по дороге, с разинутым ртом смотря по сторонам. Детские площадки с деревянными грибами. Не такие высокие дома. Всё было как с фотографий. По улице ходили девочки с косичками, мальчики в коротких шортиках. Все выглядели примерно одинаково одеты. Прямо возле арки стоял красный автомат с минеральной водой. Т. пошёл к нему. Рядом с автоматом стояла квадратная тележка, на которой было написано «Мороженое». Тут же стояла женщина с белом халате и в колпаке.

– Почём мороженое? – Спросил Т.

– 11 копеек. – Улыбнулась продавщица, жмурясь на солнце.

Т. полез в карман, выгреб мелочь, когда вспомнил, где находится.

– Что это у тебя монетки странные? – Смотрела ему в руку продавщица. – Да и одет ты чудно. Иностранец, что ли?

– Типа того. – Смутился Т. и спрятал деньги обратно в карман.

– Что, нету? – Осведомилась продавщица.

– Нет. – Кивнул Т.

– Ладно, держи, за граница. – Подмигнула она, протягивая ему бумажный стаканчик.

– Спасибо. – Заулыбался Т.

Он пошёл дальше по улице, снял фольгу и лизнул мороженое. Даже остановился на месте от неожиданности. Оно было просто потрясающим на вкус! Он никогда в жизни не ел мороженого вкуснее. «Да, раньше и вправду что-то было лучше» Оглянулся в поисках мусорки, не нашёл и бросил фольгу на тротуар.

Люди вокруг него то и дело посматривали на него, окидывали с ног до головы взглядами. Т. осмотрел себя: Кроссовки, джинсы, футболка, кожаная куртка. Кроссовки с заграничным логотипом и футболка с разноцветным принтом на груди бросались в глаза, при сравнении с окружающими его людьми. Он поднял взгляд и впереди увидел наблюдающего за ним человека в белой форменной рубашке и белой фуражке.

Т. резко развернулся и пошёл в обратную сторону. Пройдя метров двадцать, он чуть наклонил голову и бросил назад взгляд. Милиционер шёл за ним следом, быстрым шагом. Т. ускорил шаг и тут же врезался в маленькую девочку, выскочившую из двора, прямо на него.

– Дядя, дядя, помогите! Там хулиганы на нас напали! – Девочка в слезах теребила его за край куртки.

Т. глянул назад. Милиционер перешёл на бег и быстро приближался к ним.

– Отстань, у самого проблемы. – Он попытался оттолкнуть девочку, но та вцепилась в его куртку и не отпустила. Визгливый голос её гремел на всю улицу:

– Помогите! Помогите! Они убьют его!

Т. резко оттолкнул девочку, та отскочила и кубарем выкатилась на проезжую часть, прямо под колёса едущего своим маршрутом автобуса. Маленькое тело откинуло на дорогу и правое переднее переехало её как собаку. Т. оцепенело смотрел под остановившийся автобус, у которого между колёс лежала изломанное тело, перекрученное, словно марионеточная кукла в ящике. Резкий свист и крик «Хватайте его!» привели его в себя. Милиционер со свистком во рту был уже в двадцати метрах. Т. бросил взгляд по сторонам и рванул к переходу, из которого недавно вышел сюда. Сзади несколько людей бросились за ним следом. Топот ног становился всё громче. Он бросился вниз по ступенькам и побежал по переходу на другую сторону. Переход заполнился гулким эхом десятка бегущих сзади ног. А потом оборвался в один момент.

Т. вылетел из перехода наверх и побежал по тротуару. Мечущийся взгляд выхватил шестнадцатипятиэтажный дом. Т. остановился и огляделся. Он снова попал в своё время. Он упёрся руками в колени и пытался отдышаться. Всё вокруг снова стало знакомым. Он стоял у подъезда своего дома. Т. разогнулся и пошёл к двери, нашаривая магнитный ключ в кармане.

Ключ не входил в квартирный замок. Т. совал его так и сяк. Вдруг дверь открылась. На пороге стоял крепко сложенный парень.

– Ты что делаешь?

– Это моя квартира – Проговорил Т.

– Это моя квартира! – С нажимом сказал незнакомец.

Т. сказал адрес. Да, это его адрес. Т. ничего не понимал.

– Утром я проснулся в этой квартире.

– Ты что, больной, придурок? Мы живём здесь всю жизнь.

Т. начал закипать.

– Но это моя квартира! А раньше здесь жила моя мать!

Крепыш обернулся и крикнул кому-то. Появилась женщина в халате.

– Как зовут твою маму? – Спросил крепыш.

Т. назвал. Женщина оперлась на стену.

– Откуда вы про неё знаете?

– Она моя мать. – Растерялся Т.

Женщина внезапно резко подалась к нему.

– Убирайтесь отсюда. – Процедила она сквозь сжатые зубы. – Не знаю, кто вы, но я вызову полицию, если вы сейчас же не уйдёте.

Она стала закрывать дверь. Т. упёрся плечом.

– Где она? Что с ней случилось?! – Прокричал, теряя терпение.

– Её толкнули под машину в детстве! Убирайтесь отсюда!

Т. опешил и дверь хлопнула перед его носом. Из-за неё послышался звук закрываемых замков.

Т. осел на пол перед дверью. В его голове маленькая девочка снова и снова отлетала к автобусу, который снова и снова её сбивал. Его родная мать, отталкиваемая юношей, которому никогда не стать её сыном.

Чуть-чуть

Они лежали под яблоней. Летний вечер окутывал теплом, остывая.

– Зачем ты вернулась?

– Не знаю. Я вроде как не могу без тебя.

– Ну да, я тоже. А зачем уходила?

– Ты сам меня прогнал.

– Ну... – Он затыкнулся косяком.

Она терпеливо ждала, когда он продолжит.

Он выдохнул и протянул косяк ей.

– Ну, теперь мы точно вместе навсегда.

– Ну, блин ты его кровью испачкал.

– Похуй.

Она аккуратно затыкнулась. Вечер сразу стал легче.

– А мы правильно сделали?

– Не знаю. В мире нет "Правильно" и "Не правильно". Мы просто сделали это.

Его немного повело и он сильнее прижался к дереву.

Она смотрела как огонёк приближается к кровавому отпечатку на бумаге. Затыкнулась. Косяк зашипел.

– Я скурила твою кровь.

– И попила достаточно.

– А ты мне нет?

Одеяло пропитывалось всё сильнее. Она придвинулась к нему, отодвигаясь от расплывающегося красного пятна под ними.

– Хорошо, что я диплом так и не начала писать. Только зря бы перевела время.

Она повернула к нему голову. Это оказалось не так легко. Она почти ощущала как скрипят её останавливающиеся шестерёнки.

– Эй – Прошептала она. – Ты умер чтоли?

Он сидел не шевелясь. Испуг вспыхнул в ней.

– Тём! – Она толкнула его в бок. Рука начала наливаясь свинцом.

От толчка он начал заваливаться вбок и упал бы, но вдруг выкинул руку и поднялся назад.

– Ты чего? – Медленно повернул к ней голову.

Она смотрела на него с мокрыми глазами.

– Не уходи без меня. Я не выдержу, если ты уйдёшь первым.

– Я здесь, солнце, я здесь. – Он тяжело поднял руку и прижал её к себе.

Его кровь закапала ей на спину. Здоровые капли стали впитываться в ткань сарафана, распускаясь алыми маками.

– Ну что ты делаешь? – Лениво заворчала она – Испачкаешь меня всю.

– Мы всё равно будем перемазаны как свиньи.

– Ну ладно тогда. Я же всё равно буду красивой?

– Будешь самой красивой свинкой.

Она начала было смеяться, но силы стремительно вытекали из неё.

– Не смейся меня, дышать тяжело.

– Смех ещё никого не убивал. – Он закашлялся. Смех перешёл в булькающий натужный кашель. – Кроме Джо Бена.

– Кто это?

– Уже не важно, долго рассказывать.

Он вытер губы тыльной стороной ладони. Красная полоса прочертила его лицо по вертикали.

– Ты хрюшка. – Засмеялась она. – Весь изговнякался.

Но смех быстро стих и она тяжело задыхалась.

– У меня всё потемнело. – Он вытянул перед собой руку. – Ничего не вижу.

– Прикалываешься?

– Нет. Вот, уже вижу.

Глаза трудно было держать открытыми, веки словно налились свинцом. Перед глазами висело чёрное марево, всё растворялось в нём. Перед её глазами прошла картина последнего года. Их знакомство. Её невероятное счастье, захлестнувшее с головой. Счастье, которое оборвалось через неделю. Весь оставшийся год она только и делала, что пыталась ухватить за ниточки то самое счастье, что было вначале. Но ниточки быстро рвались. К концу года они уже не рвались, а просто были другими. И к счастью больше не вели. Когда она вернулась в последний раз, он решил что больше её не отпустит. Она согласилась с ним, что лучший способ сохранить всё, это уничтожить всё. Уничтожить всё вместе с собой.

Он опустил руку ей на бедро и сжал из последних сил.

– Привееееет! Мы будем счастливы теперь и навсегда. – Пропел он и поцеловал её в плечо.

Солнце слегка царапало горизонт. Воздух был наполнен криками стрижей.

– Чуть-чуть! – Она потрясла его за руку. – Слышишь? Они кричат чуть-чуть.

– Это они нам. – Он уже не мог улыбнуться. Рука, за которую она потрясла, плетью свисала в траву. Он больше не мог её поднять. Ручейки из взрезанных рук становились всё слабее.

Его ладонь наполовину погрузилась в лужицу набежавшей крови.

"Чуть-чуть" пронеслось у него в голове.

– Чуть-чуть! Чуть-чуть! – Кричали стрижи.

Карма вечера четверга

Вечеринка ниже этажом шла вовсю. Мне то и дело звонили и спрашивали, приду я или нет. Я отвечал что приду, но пока никуда не собирался. Сегодня все сдали последний экзамен и весь студенческий корпус стоял на ушах.

Я лежал и смотрел в потолок. И сам не знал, почему не веселюсь с остальными. Впереди было прекрасное лето, наполненное друзьями, поездками и беззаботностью.

Жара на улице ещё не спала. Но у меня было прохладно. Было около десяти вечера, типичное время для моей меланхолии. Два часа, как я пришёл из института и валялся на кровати. Я даже не включил музыку. Просто лежал и слушал, как за окном предзакатно кричат стрижи, рассекая крыльями небо над студенческим городком.

Завтра проснусь под вечер, соберу вещи и с похмельной головой отправлюсь на вокзал. Поезд увезёт меня к родителям, где самые красивые закаты и постоянно чистое небо. В мои леса, где я собираюсь пожить неделю, с одним только блокнотом и Керуаком.

Я чувствовал свободу от учебных дней и это слегка ошарашивало.

Корпус почти опустел за прошедшие две недели. Многие подавали все экзамены и разъехались кто куда. Мои соседи уехали неделей раньше. Внешняя опустошённость распространилась и внутри меня.

Когда я закончил первый курс, я жаждал поскорее уехать отсюда. Уехать домой. За год я невероятно соскучился по дому и старым друзьям. Тем более первое студенческое лето всегда запоминается. Ведь ты теперь другой. В начале года ты ещё не отошедший от школы и надзора родителей, автоматически ещё живёшь прошлой жизнью. Исправно ходишь на занятия. Стараешься учиться. Жить по графику. Рано ложиться, чтобы не опоздать к началу занятий. Живёшь, словно родители всё ещё присматривают за тобой. На втором курсе всё меняется. Тогда появляется осознание, что ты можешь быть независимым абсолютно от всего. И тогда всё и начинается. Дикость и жажда. И каждый год становится другим и новым. Каждый год ты смотришь на себя, каким был двенадцать месяцев назад и ты всегда не тот.

Я лежал и смотрел на Пака. Это наш комнатный паук. Он появился в Апреле и свил паутину в углу. Его никто не тронул и он стал жить себе дальше. Через время ему дали имя и у него появилась личность. Иногда мы устраивали культистские жертвоприношения Паку, скармливая ему мух, которых ловили. Пак был талисманом комнаты. Его паутина поблескивала в свете солнца.

Я налил себе чаю и встал с кружкой у окна. Солнце начало садиться. Внутри была какая-то тоска. Душа жаждала чего-то, но я никогда не мог понять чего.

Я лёг и открыл том стихов Эдгара По. Сейчас настроение было идеально для него. Я чувствовал его каждый образ и каждое слово внутри. Настолько пронзительно, что не мог оторваться. Все его миры были словно на видео, в моей голове, настолько они были сильны.

Скоро солнце совсем спряталось и в комнате стало темно. И тогда я стал готов спуститься к празднующим.

Везде по коридорам сновали парни и девушки. Отовсюду играла музыка. Я подошёл к двери и постоял перед ней пару минут, прежде чем войти. Словно переключался.

Народу было набито просто куча. Друзья заметили меня и потащили к алкоголю. Свет был выключен и комнату освещали световые тубы, такие длинные каркасы с разноцветными лампами. То там, то здесь люди целовались, танцевали, пили и всячески радовались жизни.

– С. тебя не дождалась. – К. подкатил ко мне и протянул бутылку пива.

– А что, ждала?

– Ну да, спрашивала, когда ты будешь.

– А зачем?

– Почём мне знать?

С. была моей очень близкой подругой. Настолько близкой, что даже секс с ней никак не мог повлиять на нашу дружбу. Это было прекрасно. Когда мы оказывались на одной вечеринке, а это происходило постоянно, то, если у нас не было пары, ночь мы проводили вдвоём. Ни она, ни я не были влюблены в друг друга, поэтому ничего не омрачало нашу дружбу.

Алкоголь тёк рекой и скоро я полностью расслабился и настроился на настроение окружающих. Вечер становился всё лучше.

Мы сидели и болтали на балконе, когда девчонки притащили гитару и стали требовать от меня сыграть на ней. Я сыграл пару песен Nirvana и ещё три постыдных поп-роковых. Не могу отказать девушкам.

Когда гитара ушла в комнату, я взял ещё пива и остался на балконе. Мы сидели на мягких пуфах и в основном обсуждали, как кто сдавал сессию. Я больше молчал и пил. Тут мне на колени бухнулась незнакомая мне девушка и стала пьяно говорить мне о том, как я хорошо играю, какой я молодец и прочую чушь. Я решил её трахнуть. Так мы и сидели дальше, обнимаясь и целуясь с ней. Я был пьян и всем доволен. Ночь была тёплой и прекрасной, внизу бродили пьяные студенты распевали песни, гуляя по территории кампуса. Всё было прекрасно.

Когда я почувствовал, что пора, я снял девушку с колен и за руку повёл к себе. Наверху я толкнул её на кровать. Свет от попадающих в окно фонарей освещал её кожу. Когда всё закончилось, я лежал и гладил её тело. Потом мы заснули, поверх одеяла, обнажённые и сплетённые вместе. Засыпая, я чувствовал завершенность.

Проснулся я от того, что девушка сидела у меня на груди и целовала лицо, наклонившись ко мне.

– Доброе утро – Пропела она.

– Доброе – Улыбнулся я. Она была хороша даже без алкоголя. Вчера в полутьме я её так и не рассмотрел. – А ты прекрасна, оказывается.

Она засмеялась и поцеловала меня. Мы занялись сексом ещё раз. А потом ещё и ещё.

Лисья пастурель

12 декабря

Лисица

12:25

привет, красавчик. мне завезли твою волшебную свирельку.

Флибер

12:26

Аааааееее. Давай пересечёмся.

Лисица

12:38

давай заскакивай ко мне, а я надену пояс для чулок, как ты любишь ;)

Флибер

12:40

Ой, Лиса, я девушку завёл)

Лисица

12:43

бляяяяя вот ты козлина!! у меня секса два месяца уже не было!

Флибер

12:43

))

Ну извини)

Лисица

12:44

ну ладно давай тогда в кафешке посидим.

Я выбираюсь из толпы у сцены и сажусь за барную стойку. Висок пульсирует острой болью. Только что мне заехали туда локтём в слеме. Ни в одной драке я не отхватывал так, как порой на концертах. Голова идёт кругом и меня тошнит.

– Пива! – Кричу я в лицо наклонившемуся ко мне бармену.

Мне на глаза опускаются две ладони. Мол, "угадай кто?" Я только начинаю вспоминать, кто ещё сюда собирался, как руки тянут меня, выгибая назад, а холодные губы, со вкусом текилы и лайма, впиваются в мои. Мы целуемся и целуемся. Мои руки держатся за стойку, чтобы не упасть. Её руки гладят мою шею и грудь под футболкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.